

Диалектика последовательности/непоследовательности
как «трейдмарк» позднесоветской философии

А.А. Зиновьев. Фактор понимания. М.: «Эксмо», 2006. – 528 с.

Как известно, после публикации в 1976 году «Зияющих высот» Александр Зиновьев радикально сменил амплуа, превратившись в социолога и публициста и полностью оставив занятия логикой, которыми прежде стяжал славу. Однако сам он считал свою вторую профессию «логичным» продолжением первой: «Все упомянутые подразделения моих исследований образуют единое целое с точки зрения способа понимания соответствующих объектов (скажем — с точки зрения “поворота мозгов”» (с. 7). Его последняя книга «Фактор понимания», законченная за полтора месяца до смерти, заявлена как сводный труд, объединяющий как «эзотерическую», так и «экзотерическую» линии его творчества. Все четыре части книги с разных сторон описывают феномен интеллектологии, или фактора понимания, – главный предмет всей творческой деятельности автора: «Действия людей и результаты этих действий определяются комплексами многочисленных факторов. В число этих факторов включается и то, что люди думают о ситуации, в которой совершаются их действия, о самих себе и своих возможностях, короче говоря — фактор интеллектуальный, или фактор понимания. Изучение и усовершенствование его стало делом всей моей жизни...» (с. 6).

Первая часть («Логический интеллект») представляет собой компиляцию отрывков из логических трактатов Зиновьева 1960—70-х годов¹. И без того разрозненные фрагменты своих сочинений Зиновьев воспроизводит с беспощадными купюрами, которые отнюдь не облегчают, а напротив, весьма затрудняют восприятие материала. В частности, им практически полностью изъяты пояснения к многочисленным формулам и уравнениям (читателю самому приходится догадываться, что под одной из них скрывается знаменитый силлогизм о смертности Сократа). Основной пафос первой части заключается в том, что именно логика является самым простым и эффективным средством борьбы с ересями в науке и позволяет отместить целый ряд совершенно беспер-

¹ Интересно, что практически все они были недавно переизданы в сборнике «Очерки комплексной логики» (М.: «УРСС», 2000), где в предисловии Зиновьев корректно извиняется перед читателем за отсутствие дополнений и исправлений, а также за неизбежные повторы.

спективных вопросов (например, вопрос об обратимости времени и пространства).

Начиная со второй части Зиновьев резко переходит к популярной публицистике. И здесь обширные разделы являются дословными перепечатками на этот раз его поздних монографий «На пути к сверхобществу» (2000) и «Логическая социология» (2002). Однако за счет многочисленных купюр основной пафос автора прочитывается несколько по-иному: если в «первоисточниках» Зиновьев не устает повторять, что корни социальных зол лежат прежде всего в имманентных социальных законах общественных организмов (в его терминологии – *человейников*), среди которых доминирует «закон экзистенциального эгоизма», то в «Факторе понимания» он переходит к более «адресному» изобличению злоумышленников.

Управляющий орган всякого человејника, по Зиновьеву, делится на ряд сфер: хозяйственную, менталитетную и сферу власти. Особым подразделением менталитетной сферы является идеологическая сфера (*идеосфера*), цель которой — «вбивать в головы людей» установки, способствующие сохранению единства человејника. Описывая феномен идеологии как таковой, Зиновьев подчеркивает, что ее нельзя отнести ни к категории истины, ни к категории лжи: она является «слоеным пирогом» из того и другого. Однако приводя примеры современных идеологических установок, Зиновьев яростно бичует их как изначально и насковзь фальшивые.

Особую ненависть Зиновьева навлекли на себя теоретики информационного общества, футурологи и писатели-фантасты. Первые, по его мнению, «оболваниают» человечество «интеллектуально убогими и морально подлыми сказками» о грядущем обществе информационного изобилия, в котором обладание информацией приравнивается к обладанию деньгами. Как изобилие информации может принести счастье, возмущается Зиновьев, если мир и без того захлавлен «помоями информации» сверх всякой меры? Он и мысли не допускает о том, что, в отличие от денег, информация – далеко не однородное явление и не все в ней является «помоями». Зиновьев считает, что нет никакой тайной, скрытой за семью печатями информации, способной открыть настоящую «правду о мире». Вся информация лежит на поверхности, будучи легко доступной. Однако для «правильных» выводов на ее основе необходим правильный «поворот мозгов», а вот с этим в менталитетной сфере современных человејников ситуация сложилась поистине катастрофическая. «Поворот мозгов», насаждаемый правящей элитой, направлен на «тотальное помутнение умов».

Сам талантливый поэт, прозаик и даже рисовальщик, Зиновьев в своих филиппиках в адрес научной фантастики почему-то напрочь забы-

вает об образной и иносказательной природе вымышленных повествований (и сферы искусства вообще). Он относится к научно-фантастической литературе и кино так, как будто они серьезно претендуют на научно обоснованные прогнозы будущего и в угоду правящей элите «забывают читателям головы убогими сказками о техническом прогрессе», совершенно игнорируя куда более существенный социальный аспект эволюции человеичников.

Надо сказать, что Зиновьев никогда не переходит на личности; объект его филиппик — это «философы, социологи, писатели» и т.п., а не конкретные люди. На деле Зиновьев смешивает в одну кучу «желтогазетных» журналистов и академических философов, что с точки зрения столь любимой им логики уже на уровне здравого смысла не представляется вполне корректным. Зачастую ереси, борьбу с которыми Зиновьев ведет с поистине ураганным пылом, кажутся во многом выдуманными самим противником (хотя и не всегда).

Несколько в ином свете (по сравнению с его книгами 90-х годов) предстают взгляды Зиновьева на марксизм: последний этап развития западной цивилизации окончательно дискредитировал многие постулаты этого учения. Прежде всего, средства производства с годами стали играть в социальной организации человеичников все более мизерную роль, ни в коей мере не составляя их базис («Вычленив в <...> современном состоянии средства производства практически (да и теоретически) невозможно, не превращая само это понятие в бессмыслицу»; с. 210). Несмотря на то что Маркс был «одним из величайших умов человечества», именно классовая позиция заставила его сойти с пути науки и предпочесть идеологию. Да и то он не придумал ничего принципиально нового по сравнению с Томасом Мором. Впрочем, в одном отношении марксизм (но почему-то не гегельянство) представляется Зиновьеву вполне жизнеспособным, а именно в рассмотрении социальной эволюции (и ее одной) с точки зрения законов диалектики. Сам Зиновьев постоянно говорит о том, что на новом витке развития человеичников их отжившие структуры всегда присутствуют «в снятом виде».

Кульминацией третьей части книги становятся полные блестящего остроумия главы о постсоветской России. Обвиняемый в последние годы в апологетике сталинизма, Зиновьев обрушивает град язвительных стрел на Ельцина и Путина как раз за то, что они воскрешают худшие черты сталинского типа правления. Но как же увязываются элегии Зиновьева о погибшем СССР с его бичеванием возрождения советизма в путинской России? Во-первых, расправа над советизмом продолжается; просто с приходом Путина стало ясно, что по-настоящему «добить советизм» можно только средствами самого советизма. А во-вторых, то, что сейчас «возрождается», — это на самом деле лжесоветизм. Согласно

Зиновьеву, склонность к имитации и поверхностному подражательству была всегда укоренена в традициях русской культуры. В особенности показуха расцвела пышным цветом в советские годы. А в самые последние годы свирепствует прямо-таки «оргия показухи»: СМИ наперебой галдят о преодолении Россией кризиса, о баснословных успехах в экономике, промышленности и т.п. Но российский строй — это слепленный на скорую руку «рогатый заяц», гибрид из имитаций феодального дореволюционного фундаментализма, западнизма и советизма. Современная Россия взяла все худшие свойства этих типов человеиника, а их насильственное сочетание заведомо бесперспективно.

Очевидно, целиком заново написанной является лишь последняя, четвертая часть — «Прошлое и будущее». По Зиновьеву, любые исторические нарративы (объединяемые понятием «ретрология») имеют родовое проклятие — они заранее обречены на «тотальную фальсификацию истории». Даже протокольный перечень бесспорных фактов создает искаженную историческую картину. В качестве возможного выхода из этого эпистемологического тупика Зиновьев предлагает «синхронический» подход к истории, при котором прошлое выступает объектом социологических исследований синхронных срезов настоящего. Аналогичным способом возможно строить и прогнозы будущего: «...прошлое в определенной мере сохраняется в настоящем в “снятом” виде. Будущее есть реализация тенденций и потенций настоящего» (с. 484).

Современная ситуация рождает настоятельную потребность радикальных перемен «в самом состоянии и воспитании интеллекта» (с. 518). Нужно вырабатывать совершенно новые методы получения и обработки информации, адекватные современным условиям, когда человечество вступает в новую эпоху. Однако вместо этого происходит прямо противоположное: наступает «тотальное оглушение человечества», когда даже выдающиеся умы забывают об элементарных правилах логики и методологии науки и становятся на службу идеологии, обеспечивающей интересы правящей элиты (а именно Запада во главе с США). Сегодня за интеллект отвечают люди, которые в последнюю очередь озабочены жадой познания истины. Их задача — направить развитие нарождающегося «глобального человеиника» в нужное им русло. Однако История наказывает за подобный волюнтаризм: «Активные и могущественные творцы современной истории... упорно загоняют поток истории в ограниченное искусственное русло... Тем самым, они делают исторический поток предопределенным, а значит, *уже не зависящим от их воли*» (с. 509; курсив мой. — А. Я.-Г.).

Для осознания происходящего «грандиозного эволюционного передела» Зиновьев считает необходимым различать физический и социальный аспекты времени. Их определения, предлагаемые автором, не отли-

чаются кристальной ясностью: «В первом из них предполагаются эмпирические события и их последовательность в качестве опорных точек для абстрагирования, осознания и измерения времени... В социальном же смысле предполагается, что время как-то осознается людьми, <...> но внимание ориентируется на реальную жизнь людей во времени» (с. 464). Далее Зиновьев переходит к подведению неутешительных итогов развития человеииков: платой за колоссальный технический прогресс становится потеря человечеством социального времени. «Люди стали жить даже в долг, заранее растрчивая некие неприкосновенные запасы социального времени» (с. 513). «Есть ли будущее у человечества? Физическое — да. Социальное же сокращается и, возможно, исчезнет совсем. Человечество будет жить не в социальном, а в физическом времени. Смысл жизни просто пропадет как нечто излишнее» (с. 519). Футурологическая же «западня» заключается в том, что негативные следствия прогресса можно остановить только средствами самого прогресса.

В «Факторе понимания» читатель в изобилии найдет интереснейшие повороты мысли и оригинальное видение самого широкого круга проблем. Однако в целом книга отмечена логической (!) непоследовательностью и неувязками. Крохотные вводные вставки с логическими терминами («пусть объект А имеет признак В») явно не достигают своей цели убедить читателя в «происхождении социологии из духа логики», а заявление Зиновьева о том, что вся его социальная теория была построена на основе его собственной концепции логики и методологии науки, выглядит довольно голословным. И если в его наиболее удачных «социологических романах» жанровый синтез порой приводил к блестящим художественным результатам, расширяя выразительные средства литературы и публицистики, то гибридность «Фактора понимания», увы, скорее напоминает того самого «рогатого зайца», слепленного на скорую руку. Впрочем, сказанное относится только к книге «Фактор понимания», но отнюдь не к самим концепциям Зиновьева, блестяще изложенным им в его более ранних работах.